

УДК 78.071.2:929
ББК 85.315.3
Р83

Издание книги на русском языке подготовлено при поддержке
Отдела культуры и образования Посольства Великобритании
в Москве в рамках Года Музыки Великобритании и России 2019.

Печатается с разрешения литературных агентств
Greene and Heaton Ltd. и **Andrew Nurnberg.**

Ружичкова, Зузана.

Р83 Сто чудес / Зузана Ружичкова, Венди Холден ; [пер. с английского
А.Н. Мурашова]. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 352 с. : ил.
фотографии., 16. – (*Холокост. Палачи и жертвы*).

ISBN: 978-5-17-118983-9

Книга воспоминаний известной клавесинистки, пережившей
Освенцим, а затем и репрессии послевоенной Чехословакии. Тяже-
лые испытания, выпавшие на ее долю, позволила пережить страсть
Зузаны к музыке и преподаванию.

УДК 78.071.2:929
ББК 85.315.3

**ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
РОССИЯ
ГОД МУЗЫКИ/2019**

**British Embassy
Moscow**

ISBN: 978-5-17-118983-9

Copyright © Zuzana Růžičková, 2019
© А.Н. Мурашов, перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Процесс создания этих мемуаров был необычным и сложным. Зузана никогда не отказывалась от интервью, она давала их при личной встрече, по телефону, на видео, при съемках документальных фильмов, для теле- и радиопрограмм, на разных языках: по-чешски, по-немецки, по-французски и по-английски.

Когда мне предложили соединить все эти интервью в единый текст воспоминаний, я отправилась в сентябре 2017 года в Прагу. Я беседовала с Зузаной Ружичковой уже сама, разговаривали мы у нее дома, за две недели до ее смерти. Беседы длились по несколько часов, мы сидели в старомодной квартире Зузаны или в ресторане поблизости, и хотя она, в свои девяносто, уставала, но отвечала на все мои вопросы, занимавшие много страниц. Если она не могла вспомнить конкретной детали — имени или даты, — она просила меня найти их. На прощание она пожала мне руку и поинтересовалась, все ли необходимое у меня теперь есть. Я кивнула, но пообещала приехать еще через несколько месяцев. Зузана улыбнулась и поцеловала меня. Больше нам встретиться не довелось.

После внезапной смерти Зузаны все, имевшие отношение к созданию этой книги, заволновались, достаточно ли у меня материала. Ее родственники и друзья выражали надежду, что проект все же будет доведен до конца. Просмотрев все собранное, я с радостью сообщила издателям и близким Зузаны, что это возможно. Ружичкова говорила на почти безупречном английском, и удивительная история жизни этой женщины дана здесь почти без правок. Ее рассказы о прошлом

на протяжении многих лет совпадали друг с другом почти дословно. Конечно, кое-что с возрастом она стала все же забывать. В каких-то интервью у нее не получалось восстановить те или иные эпизоды, в других Зузана рассказывала о том же самом с замечательной ясностью. При нестыковках я полагалась на наиболее связанные повествования и устанавливала точную последовательность событий, пользуясь письмами Зузаны, ее эссе, текстами статей и речей, дневником, который она вела в Освенциме, и другими историческими документами. Я прибегала и к свидетельствам тех, кого объединял с Зузаной общий опыт времен войны и кто мог прояснить некоторые моменты, непонятные для непосвященных.

Было очень непросто сплести в единое целое данные многочисленных интервью, немалая часть которых нуждалась в переводе. Я остаюсь в долгу у всех, кто беседовал с Зузаной Ружичковой до меня, у историков, работников архивов, авторов документальных фильмов, друзей Зузаны, ее родственников и музыкантов из разных стран мира. Каждый из них проявил большое терпение, помогая мне. Все события и обстоятельства изложены в этой книге так, как запечатлелись они в памяти самой героини. Я лишь соединила отдельные сведения в сплошной текст и надеюсь, что Зузана одобрила бы результат.

Она стремилась выступить в роли свидетельницы прошлого. Не только военных лет, но и последующих десятилетий, тоже очень тяжелых. Для меня всегда будет примером храбрость Зузаны, ее способность сохранять стойкость в страданиях, при столкновениях с предрассудками и враждебностью.

Несмотря на все испытания, Зузана Ружичкова не утратила бодрость духа. Она хотела поведать миру о том, как музыка и любовь ее матери и мужа исцеляли ее после страшных ран войны. Мне выпало огромное счастье исполнить ее желание.

Венди Холден

Лондон, 2018

ЗУЗАНА: КРАТКИЙ ОЧЕРК

ЗУЗАНА РУЖИЧКОВА — необыкновенное явление. В ее жизни все примечательно. Зузана была единственным ребенком у родителей, владевших магазином игрушек в Пльзене. И прямо из благополучного детства она вдруг попала в концлагеря Терезин, Освенцим (Аушвиц) II-Биркенау и Берген-Бельзен.

Затем — чудесное избавление и возвращение к игре на любимом фортепьяно, несмотря на изуродованные тяжелой работой руки. Открытие для себя клавесина и международный титул «первой леди» этого инструмента, возвращенного ею в современные концертные залы. Легендарные выступления с Вацлавом Нойманом, Йозефом Суком, Яношем Старкером, Пьером Фурнье, Орель Николет и Жан-Пьером Рампалем и бесчисленные записи, среди которых особо выделяется — и до сих пор остается единственным — собрание произведений И. С. Баха для клавишных.

Все это хорошо известно, поэтому я лишь добавлю некоторые личные воспоминания, относящиеся ко времени, когда, после падения прежнего режима, я встретился с Зузаной благодаря сотрудничеству, ставшему дружбой, с ее мужем Виктором Калабисом. В том возрасте, когда у других карьера близится к завершению, Зузана прекрасно адаптировалась к новым

условиям и с большой энергией приняла на себя новые обязанности. Помимо работы в пражской Академии исполнительского искусства на факультете музыки и танца она самоотверженно участвовала во множестве благотворительных организаций, активно трудилась в художественном совете Чешского общества камерной музыки и председательствовала в Кружке друзей музыки, основала фонд пожертвований для поддержки интересных долгосрочных проектов. Вдобавок продолжала выступать на сцене и записываться. А еще отважно сражалась с лейкемией. Однако на нее сильно повлияла смерть ее дорогого супруга Виктора в 2006 году. В последний год его жизни она прекратила выступления и целиком посвятила себя уходу за ним. На следующий день после его ухода она сказала мне:

— Теперь я потеряла всё — и Викторема, и музыку.

Необязательно даже вспоминать о ее судьбе в военные и послевоенные годы, чтобы понять, каким мужеством и какой позитивной энергией обладала Зузанка. В 2009 году в пражской больнице «На Франтишку» со сломанной ногой она с энтузиазмом и радостью сообщила мне, что за год состоялось 62 концерта, на которых исполнялась музыка ее покойного мужа. Она присовокупила с характерным для нее юмором:

— Сейчас он смотрит сверху и смеется, видя, как я с бо́льничной койки занимаюсь его делами.

Она занималась популяризацией музыки Виктора столь увлеченно, что совершенно забыла о себе самой, о собственной роли в музыкальной жизни второй половины XX столетия. Ее изумило и обрадовало, когда СМИ разных стран написали о ее 90-летнем юбилее, особенно СМИ тех стран, где она регулярно давала концерты на протяжении полувека. На юбилей по инициативе и под кураторством Махана Эсфахани компания «Уорнер Класикс» выпустила великолепно подготовленное переиздание ее записей полного собрания баховских произведений для клавишных. Тогда я увидел, как тяжело ей дались последние десять лет, проведенные не только

без Виктора, но и без концертной деятельности, и как сильно Зузану волновало, что будет забыт ее революционный, неортодоксальный подход к трактовкам барочной музыки, вызвавший много споров с главными фигурами так называемой аутентичной трактовки.

Если вкратце и совсем просто, то Зузана считала чем-то само собой разумеющимся тщательную подготовку, состоящую в изучении источников и основной музыковедческой литературы, но эти познания не были для нее как для исполнителя законом, сводом предписаний, указывающих на единственную возможную трактовку. Она не признавала школ, исповедующих догматические принципы и воспитывающих исполнителей, не отличимых друг от друга. То же касалось и выбора инструмента. Всю жизнь Зузана сражалась за современный клавесин, за производство новых инструментов в наши дни, за то, чтобы выволить клавесин из гетто «старинной» музыки и застоя в методах его изготовления.

Она использовала резонатор, выступая с оркестром в больших залах, чтобы уменьшить дистанцию между сольным голосом клавесина и звучанием оркестра. В том, что касается такого подхода, который называют «романтизирующим», хотя разумнее было бы называть его «индивидуализирующим» или «различительным», она подняла настоящий бунт. Тут, вероятно, сыграло свою роль и то, что она прекрасно умела обращаться с фортепьяно, поскольку играла на нем до конца 1950-х и долго еще исполняла фортепьянные концерты параллельно с карьерой клавесинистки. Она даже иногда меняла один инструмент на другой прямо на сцене!

Ей не хотелось, чтобы ее воспринимали только в рамках «старинной музыки», поэтому и считала эзотерический подход к исполнительской трактовке, установившийся в 1960-е, ограничивающим возможности. Она сравнивала свой метод с методом исполнения шекспировских ролей Лоуренсом Оливье: он изучал историческую канву, играл в точном соответствии с оригинальным текстом и в костюмах того времени, но не возражал против использования современных техниче-

ских средств. То, что юбилейное переиздание Баха напомнило о ее методе, внушило ей чувство удовлетворения и гордость, но не своей славой, а еще одним шансом вернуть клавесину значимость для современной стилистики и репертуарный охват, восстановить клавесинную музыку в правах среди прочих жанров.

С моей точки зрения, уникальность Зузаны заключается в сочетании природного оптимизма и приобретенного за долгую жизнь скептицизма. Она воплотила в себе образ «выжившего», но выжить для нее — только необходимое условие для осмысленного существования. И в этом отношении память о Зузане продолжает вдохновлять всех нас, знавших ее.

В шестидесятых ее знаменитый ученик Кристофер Хогвуд сказал ей: раз мы можем путешествовать в пространстве, значит, можем и во времени. Для меня — великая честь пропутешествовать вместе с Зузаной в этом пространстве и времени более двадцати лет. Я видел ее окруженной любовью друзей, которые называли ее не иначе, как Зузанка, и даже сегодня не произносят без улыбки это имя, потому что помнят, каким чудом была она сама.

Зузана доказала, что, даже несмотря на войну, Холокост и коммунистический тоталитаризм, можно прожить наполненную радостью и значением жизнь благодаря усердной работе и душевной силе.

Алеш Бржезина

Директор Института Богуслава Мартину

Прага

1.

ВОСТОЧНЫЙ БЛОК, 1960

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, товарищ! — тепло приветствовал меня директор по культуре в отдаленном трансильванском городе Сибиу.— Тысяча благодарностей за ваш приезд. Нам не терпится вновь услышать вашу игру».

Стояла зима 1960 года, и добрая часть дня ушла на дорогу из Киева. Когда я наконец добралась сюда одна, после полета до Бухареста и потом на поезде, приводившемся в движение старинным паровозом, я чувствовала усталость и страшный голод.

Мой минувший тур с концертами по заводам, верфям, школам, училищам и административным учреждениям — десятый тур за этот год — был особенно тяжелым из-за холодов на Украине, в России и Польше. В частности, я столкнулась с трудностями в Киеве, где странный директор филармонии едва не оставил меня без гонорара. Я жаждала вернуться домой, к семье, в Прагу, сыграв последний концерт здесь, в Сибиу, для представителей власти.

Я знала по прошлым приездам, что размещение и питание окажутся примитивными. К счастью, у меня в чемодане было немного салями, жестянка сардин и запас русских сигарет.

Из всех стран Восточного блока, где я должна была выступать при социалистических режимах, Румыния едва ли не больше всех страдала от нищеты и царившего чувства отчаяния. Люди в этой бывшей венгерской провинции были ужасно измучены правлением президента Георгиу-Дежа и старшего министра Николае Чаушеску, здесь еще больше ощущалась изолированность от внешнего мира, чем в Чехии.

Но директор по культуре в Сибиу, уstraшенный прибытием музыкантши в рамках государственной программы, как-то всегда умел ободрить меня — настолько благодарен он был за то, что я опять не обошла вниманием этот город.

«Для вас все готово в вашем жилище», — уверил он меня теми же словами, которым я радовалась во время первого посещения Сибиу несколько лет назад, пока не попала в нетопленую комнату. Метель предвещала холодную ноябрьскую ночь, и я предвкушала, что мне придется спать в пальто.

Исполнение старинной музыки следующим вечером должно было происходить в здании кинотеатра. Я не ждала многого от концерта с участием местных музыкантов, но знала, что отклик зала будет искренним и сердечным.

Задолго до того, как я натянула зеленое бархатное вечернее платье, заказанное мамой у своей портнихи, меня провели по городу, сфотографировав с партийными чиновниками на фоне главного административного здания. Затем следовали визиты в школы и на заводы. Школьники всегда были самыми восприимчивыми, особенно те, кто сам хотел заниматься музыкой. Они смотрели на меня как на знаменитость.

В одном из классов я разговаривала с детьми, которым было столько же лет, сколько мне, когда Гитлер захватил Чехословакию, — двенадцать. Как и всегда, я стремилась поделиться любовью к музыке и глубокой увлеченностью Иоганном Себастьяном Бахом. «В восемь лет, едва услышав Баха, всего, я полюбила его», — рассказывала я. Отвечая на вопросы, объясняла, и почему я посвятила жизнь музыке, и почему перешла от фортепьяно к клавиесину: «Некоторые люди считают, что клавиесин принадлежит эпохе феодализма, что он —

деревянное изделие XVI века, которому место в музее, но для меня клавишин очень даже живой инструмент. Свои ранние клавишные произведения Бах сочинил для клавесина, и треть его огромного наследия — клавесинная музыка, часто с указанием, на каком именно клавесине нужно играть. Чтобы исполнение было аутентичным, соответствовало замыслу Баха, я и играю его сочинения на клавесине».

Один любопытный ребенок поднял руку и спросил: «А что такого в Бахе? Почему не Бетховен, например?»

Я улыбнулась: «Бетховен грозит кулаком небу, — и сделала соответствующий жест. — А в музыке Баха — высшая радость жизни и одновременно ее великая печаль. Чувствуешь глубокий смысл человеческого существования».

Вернувшись к себе в комнату, чтобы подготовиться к концерту, я зажгла сигарету и вдруг услышала стук в дверь. Консьержка, которая должна была следить за мной и сообщать обо всем необычном, пришла сказать, что мне звонят.

Встревоженная, я поспешила к ней в комнату и взяла в руки трубку. И едва не уронила ее, услышав голос мужа. Зачем звонит Виктор и откуда? У нас не было телефона. Мало у кого в Праге был. Вдруг что-нибудь случилось с моей матерью?

— Все в порядке, Зузана, — успокоил меня муж, догадываясь, что я паникую. — Звоню просто потому, что мы с твоей матерью хотим, чтобы ты изменила план путешествия. Прогнозируют плохую погоду, мы против, чтобы ты летела в Прагу в метель. Ты можешь договориться о билете на поезд?

В окно я увидела дико кружащиеся снежинки в свете уличного фонаря. Вроде бы хуже не стало с того момента, как я приехала сюда, поэтому я готова была возразить Виктору. Потом я услышала, как мама просит Виктора настоять на своем, и подумала о том, какое расстояние они прошли, чтобы позвонить.

— Ну хорошо, — нехотя ответила я, ведь путь домой должен был стать вдвое дольше, а меня ждали, чтобы приступить к работе над новой записью почти сразу по возвращении. — Я спрошу в концертном агентстве, что они могут сделать.

Директор помог мне добиться от сотрудника агентства, чтобы тот поменял билет. Были и другие хорошие новости. Этот сотрудник сказал:

— Вам не обязательно возвращаться через Бухарест. Вы можете доехать на ночном поезде до венгерской границы и пересесть на другой, идущий в Прагу через Вену и Остраву. — Он нацарапал что-то на билете, поставил печать и отпустил меня.

Когда я вечером села за клавесин и, как обычно, помедлила минуту, размышляя, прежде чем заиграть, то заметила в первом ряду кое-кого из тех детей, с которыми общалась днем. Их лица, полные ожиданий, были обращены ко мне. Начав играть «Итальянский концерт» Баха, я видела, как жадно они впитывают каждую ноту, издаваемую под моими руками инструментом — слава Богу, хорошо настроенным.

Быстро забывшись в потоке музыки, я пришла в полусозерцательное состояние, как и всегда, когда дотрагивалась до клавиш. Когда бы я ни играла Баха, я чувствовала одно и то же. Его композиционные структуры поражают своей красотой. У меня скорее архитектурная, чем зрительная память, и, по мере того как выстраивается мелодия, я представляю себе здание. Я знаю, где там верхние и нижние уровни. Модуляции Баха ведут меня подобно коридорам. И я точно знаю, когда и куда мне нужно свернуть. Я инстинктивно понимаю, как все расположено. Понимаю архитектурный план, понимаю направление: коридоры ведут в комнаты, ступени — на верхние этажи, а потом мелодический финал идеально завершает всю постройку.

После того как прозвучала последняя нота, я долго прихожу в себя — и только тогда слышу аплодисменты.

КАК ОБЫЧНО, мне подарили букет, и уже за кулисами директор вручил конверт с оплатой в румынских леях. Я не име-

ла права открыть его, у меня было строгое предписание передать деньги государственному ведомству в течение двадцати четырех часов по прибытии в Прагу вместе со всеми другими гонорами, полученными в ходе тура, и паспортом.

Я думаю, директор в Сибиу понимал, что мне перепадет лишь небольшая часть от тех, кто контролировал гастроли, поэтому он снова горячо обнял меня: «Мы не можем заплатить вам много, товарищ Ружичкова, но, пожалуйста, не отказывайтесь, если мы снова пригласим вас. Для нас много значит приезд такого человека, как вы».

Такой человек, как вы.

Глядя в глаза директора, я задумалась о выбранных им словах. Сомневаюсь, что он знал мою историю. Полагаю, что он имел в виду то, что в их места не часто заносит кого-то из немногочисленных музыкантов, живущих за железным занавесом и при этом имеющих разрешение записывать альбомы и даже — иногда — выезжать на Запад.

Подтвердив, что вернусь, я приняла его предложение сопроводить меня позже на вокзал, ночью под усиливавшимся снегопадом. Средневековый центр Сибиу — чрезвычайно живописный район, но на окраинах города чувствовалось, что для горожан зима — еще одно в череде тяжелых испытаний. На пути к вокзалу мы обгоняли прохожих, которые были настолько бедны, что обувь им заменяли обмотки из тряпок.

Во вздымающихся клубах пара точно по расписанию, за несколько минут до полуночи, подкатил поезд. Я хотела побыстрее попасть в вагон, но у старшего кондуктора оказались иные мысли на этот счет. Посмотрев мои бумаги, он заявил, что билет недействителен.

— Ваше место забронировано из Бухареста. Мы вас посадить не можем.

Я чуть не заплакала. Я страстно стремилась в город, который стал моим после войны, я ощущала ужасную тоску по дому, по матери и Виктору. Я хотела только одного: вернуться в двухкомнатную квартиру, где на единственной кровати спала мама, а мы с Виктором занимали матрас под роелем.